

УДК 82-94

Симбирцева Н.Ю.

Институт научной информации по общественным наукам РАН

**ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ МЕМУАРОВ
ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ***

N. Simbirtseva

*The Institute of Scientific Information in Social Sciences,
Russian Academy of Sciences*

GENRE OF RUSSIAN EMIGRANT MEMOIRS OF THE "FIRST WAVE"

Аннотация. Мемуары русского зарубежья представляют особую форму словесного творчества, особый пласт культуры. Не только старшее поколение писателей-эмигрантов, большую часть жизни связанное с Россией, но и молодые, начинавшие в эмиграции, обращались в произведениях к исторической памяти, подчеркивали свою причастность к истории своей родины. В статье представлено многообразие жанровых форм мемуаристики первой волны русского зарубежья. Важной их чертой является приверженность традициям русской литературы и присутствие «авторского я». Автор выделяет жанр литературного портрета, автобиографии, дневниковые записи, эпистолярный жанр путешествия. Эти формы получили широкое распространение в литературе русского зарубежья, стремившейся восстановить утраченную связь поколений.

Ключевые слова: автобиография, дневник, жанр, интонация, литературный портрет, мемуары, очерк, повествование, эпистолярный жанр путешествия.

Abstract. The memoirs of Russian writers in exile represent the peculiar form of literary works, the special stratum of culture. Not only the older generation of the emigrant writers, connected with Russian culture through most of their lives, but also the literary youth turned their attention to Russian historical memory, expressing their involvement in the history of their motherland. The article represents genre variations of memoirs in Russian emigrant literature of the "first wave", and their important features: the commitment to traditions of the Russian literature and the presence of the author's self. The author of the article distinguishes genres of a literary portrait, an autobiography, a diary, a letter, a genre of a voyage. These forms are very popular in Russian literature in exile, as writers were striving to restore a losing connection of generations.

Key words: autobiography, diary, journal, genre, intonation, literary portrait, memoirs, essay, sketch, narration, genre of a voyage, letters.

Мемуаристика писателей-эмигрантов «первой волны» – художественное явление, органично воплотившее настроения, идеалы, дух русского рассеянья. Она составляет весомую часть созданного писателями в эмиграции. Развиваясь в рамках традиционных жанров, воспоминания русского зарубежья восстанавливают картины переломных лет, оставляют свидетельства о жизни изгнанников. Жанр этих произведений различен, в форме литературных портретов, автобиографий, дневниковых записей, медитативных очерков, эпистолярия писатели передают атмосферу литературной жизни эмиграции.

Важным становится вопрос жанровой специфики мемуаров и вопрос их достоверности. Можно разделить мемуары на те, в которых описывается культурная жизнь России и биографические (в том числе исторические различных политических деятелей), большое значение приобретают мемуары деятелей культуры, лиц, связанных с искусством: А.А. Плещеева «Что вспомнилось: За 50 лет. Театральные воспоминания» (Париж, 1931), его же «Под сенью ку-

* © Симбирцева Н.Ю.

лис» (Париж, 1936), «Сергей Лифарь. От старого к новому» (Париж, 1938), «Мое время» (Париж, 1939), К.А. Коровина «Константин Коровин вспоминает...» (М., 1971), Ю.П. Анненкова «Дневник моих встреч» (Нью-Йорк, 1965-66), А.Н. Бенуа «Жизнь художника: Воспоминания» (Нью-Йорк, 1955), Тенишевой, Шаляпина, М. Фокина, др. Необходимо упомянуть военные мемуары П.Н. Краснова и А.И. Деникина, в которых восстанавливаются события гражданской войны.

Необходимо отличать мемуарную прозу от исторической и научной биографии, а также от тех произведений, где мемуарная форма выступает как литературный прием, т. е. художественной прозы. В мемуарах неполнота фактов и почти неизбежная односторонность искупаются живым и непосредственным выражением личности их автора.

Жанровое многообразие мемуаров обособлено психологически. В воспоминания русских зарубежных писателей нередко входили письма, дневниковые записи. Л. Гинзбург писала: «Образ человека строится в самой жизни, и житейская психология откладывается следами писем, дневников, исповедей и других человеческих документов, в которых эстетическое начало присутствует с большей или меньшей степенью осознанности... Мемуары, автобиографии, исповеди – это уже почти всегда литература, предполагающая читателя в будущем или в настоящем, своего рода сюжетное построение образа действительности и образа человека: тогда как письма или дневники закрепляют еще не предпринятый процесс жизни с еще неизвестной развязкой. Динамика поступательная сменяется динамикой ретроспективной. Мемуарные жанры сближаются таким образом с романом, с ним не отождествляясь». [4, с. 10] Именно такой представляется роль писем в воспоминаниях З. Шаховской «Отражения» (Париж, 1975) и «В поисках Набокова» (Париж, 1979). Портреты писателей-эмигрантов, рассказ о встречах, общении, нелегкой, а подчас трагической судьбе завершается подборкой писем, в которых авторы их предстают в своей жизненности и обыденности существ-

ования вдали от родины. Повествование становится более интимным, личностным и одновременно более документальным. В предисловии к книге «В поисках Набокова» автор писала: «Письма – чудные островки для причала памяти, и я задумала построить мою книгу о Набокове вокруг его писем, напечатать их целиком и снабдив их моими воспоминаниями и примечаниями» [11, с. 12]. Замысел этот относительно книги о Набокове оказался невыполнимым, однако в «Отражениях» писательница с успехом осуществила свою идею. В книге представлены наряду с воспоминаниями письма А. Ремизова, И. Бунина, Г. Адамовича, Б. Зайцева, Н. Тэффи и многих других.

Использовал письма в книге «По памяти, по записям» А. Бахрах. В мемуарах он приводит письма И.А. Бунина: «Пачка его писем... сохранилась и в моем архиве. Всех его писем и записок не опубликовать, многие из них не имеют историко-литературного интереса, но кое-какие, как мне кажется, напечатать стоит, хотя бы в отрывках. Будущему биографу Бунина они могут дать какой-то новый материал». И в другом случае, с отрывками из писем А. Белого, он руководствовался тем, что опубликовано к тому времени их было немного. Говоря о письмах И.А. Бунина, мемуарист отметил: «Он был редчайшим среди литераторов, который действительно писал свои письма без оглядки на их посмертное обнаружение. Слишком часто он писал свои письма, не обдумавши их, под влиянием мгновенных импульсов и на следующий день жалея об отсылке» [3, с. 189-190]. Дневниковые записи часто являются основой для создания мемуаров, творческой лабораторией писателя. В литературе русского зарубежья этот жанр мемуарной прозы представлен «Грасским дневником» Г. Кузнецовой (Вашингтон, 1967), записками молодой писательницы о жизни на вилле Бунина в Грассе. В своем дневнике Г. Кузнецова очень тактично представила жизнь старшего современника и его окружения. Эта книга не о быте и творчестве писателя, а скорее, впечатления жизни от встреч с различными людьми, история

общения с Буниным, заметки о природе южной Франции. Несмотря на общее для большинства книг о русской эмиграции чувство тоски по утраченному, ощущение скудости эмигрантского существования, книгу о Грассе пронизывает счастье встречи со знаменитым писателем, радость творчества. Р. Гуль выделял не только «бунинский» язык «Грасского дневника», но и присущую ему фактографичность. Он писал: «По страницам проходят кроме «хозяина» Ивана Алексеевича и Веры Николаевны многие видные представители русского искусства и литературы за рубежом... Но, конечно, основная ценность книги – в ее главном действующем лице – в И.А. Бунине. Он дан и как человек, и как художник, с характерными для него чертами (приятными и неприятными), с его рассказами... Мы видим Бунина необычайного рассказчика, чьи рассказы за «чайным столом» в записях Г. Кузнецовой иногда воспринимаются как обрывки художественных произведений» [5].

Наиболее изученным жанром мемуарной прозы является литературный портрет, самая популярная форма в мемуаристике русского зарубежья. В.С. Барахов [2] выделяет следующие его разновидности: литературный портрет в мемуарной литературе, документально-биографическом повествовании, жанре критической прозы, жанре научно-монографического исследования.

Жанр литературного портрета характеризуется большой устойчивостью в литературе русского зарубежья. Очерки из книг Б.К. Зайцева «Москва», «Далекое», «Мои современники» посвящены многим выдающимся писателям, художникам, общественным деятелям, с кем автор был близко знаком (Бунин, Горький. Луначарский, Каменев, Немирович-Данченко, Мережковский, Ахматова, Алданов, Осоргин, Ремизов, Шмелев, Солженицын). «Зайцевские портретные рисунки... передают не только портреты отдельных лиц, но... и саму атмосферу эпохи, навсегда от нас ушедшую» [6, с. 11].

Излюбленным жанром Г. Адамовича в книге «Одиночество и свобода» и очерков

Ю. Терапиано, включенных в книгу «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974)» (Париж – Нью-Йорк. 1987), становится эссе. Этому жанру присуща обращенность в прошлое, к тем литературным явлениям, которые, по мнению авторов, имеют общекультурную ценность и насыщены особым чувством причастности к лучшим образцам искусства. В очерках осмысливается творчество М. Цветаевой, К. Бальмонта, Д. Мережковского, З. Гиппиус, Б. Зайцева, А. Ремизова, И. Бунина и др. Эти произведения содержат субъективное отношение к предмету, которое обуславливает новый неожиданный подход, оригинальный взгляд на творчество портретируемого. Им свойственны «игра» словом, разговорная интонация. В разных гранях рассматривает творчество и личность З.Н. Гиппиус в книге «Одиночество и свобода» ее автор. В очерке можно увидеть и субъективность писателя в некоторых оценках, и новизну подхода к творчеству героини очерка. Так, по мнению автора, написанному Гиппиус недостает непринужденности, непосредственности. Как бы сомневаясь в правильности избранной жанровой схемы, он продолжал: «Не схематизирую ли я живой облик, «живое лицо» Зинаиды Гиппиус. А главное, не оказываюсь ли... в какой-то мере предателем по отношению к этой удивительной женщине, с которой, повторяю, был дружен и которая оставила в памяти моей неизгладимый след. Пытаясь объяснить ее, не подчеркиваю ли ее слабости, не слишком ли поверхностно говорю о ее заслугах и достоинствах?» [1, с. 159-160].

Свою точку зрения на каждого портретируемого обозначает Ю. Терапиано в очерках, посвященных молодым поэтам и писателям старшего поколения. В любом из них – свое собственное понимание судьбы и значения художественного наследия того или иного писателя, связанное с взглядами автора на предназначение искусства и жизни. Особенно ценилось им как влияние, оказанное на поэтов «парижской нотой», – тяготение к внутреннему, тема одиночества, усталости от «странствия земного», таинотрицианинастро-

ений, рожденных этим направлением, – ощущение «умирания» и «безысходности» [10, с. 127]. «Непримиримость», «напряженную философски-религиозную ноту» выделял писатель в творчестве И. Бунина, Б. Зайцева, в произведениях А. Ремизова – «адский хаос», «ощущение путаницы, безысходности, боли, одиночества и оставленности». Автор подчеркивал те качества творчества своих современников, которые были близки и понятны ему самому – связь судеб героев произведений и «религиозную подоснову всякой человеческой жизни, всякого вонне совершавшегося явления» [10, с. 280, 289]. Таким образом, жанр эссе становится самым результативным средством для высказывания своего взгляда на культуру, творчество.

Автобиография и мемуарно-биографический роман составляют биографическую разновидность мемуаров. В автобиографии писатель преимущественно рассказывает о себе, об основных вехах собственной жизни. В произведениях такого рода часто входит бытовая конкретика, определено авторское отношение к описываемому.

К жанру автобиографического романа относятся воспоминания В. Набокова «Другие берега». Как писал автор в «Предисловии к русскому изданию», цель книги – «описать прошлое с предельной точностью и отыскать в нем полнозначные очертания, а именно: развитие и повторение тайных тем в явной судьбе» [7, с. 7]. Как романист Набоков восстает против «навязываемой» жанром точности и спорит с читателем, привыкшим к стереотипу, и «решительно восстает» против ограничения своей свободы в осмыслении прошлого. «Чтобы правильно расставить во времени некоторые мои ранние воспоминания, мне приходится равняться по кометам и затмениям, как делает историк, датирующий обрывки саг», – подшучивает он над читателем, требующим фактов. В. Набоков обращается к пробуждению самосознания – младенчеству, к повышенной восприимчивости юности, прослеживает все этапы человеческой жизни.

К жанру философской автобиографии относятся мемуары Н.О. Лосского, С. Булга-

кова. Н.А. Бердяев в книге «Самопознание» (Париж, 1949) сочетал этот жанр с философским осмыслением собственного жизненного опыта. Некоторые исследователи¹ трактуют мемуары Бердяева как своеобразное путешествие по окружавшему писателя миру. Жанр путешествия используется как стилизованный прием и происходит как бы в сознании автора, который вспоминает детство, истоки и основные вехи творческого пути и пр.

Актуальность жанра путешествия для мемуаристов русского зарубежья обусловлена избранной темой, по законам жанра им приходилось осуществлять мысленное перемещение в далекую, недостижимую для них Россию. Но такое перемещение было не только мысленным. В 30-х годах А. Седых удалось побывать в бывшей России, в Прибалтике, тогда отделенной от большевицкой страны границей. Результатом поездки стали путевые очерки, опубликованные сначала в газете «Последние новости», а затем вышедшие отдельной книгой «Там, где была Россия» (Париж, 1930). Кн. С. Волконский так писал о ней: «Что захватывающего в этой небольшой книге? Как определить, в чем сущность того чувства, которым она дышит... маленькими, незначительными подробностями автор втягивает нас в густую, насыщенную картину русского быта, которая оказывается написанной на наших глазах, казалось бы, из ничего» [8]. Временная перспектива, авторское «я», документальность – отличительные признаки этого жанра – сочетаются в нём с непосредственностью впечатлений. В таких произведениях ретроспективное видение событий приближает их к мемуарам. К жанру путешествия обращались Н.А. Тэффи в книге «Воспоминания» (Париж, 1931), в которой описала свою поездку на юг России во время

¹ Я.Г. Кротов писал: «Бердяев сознательно или невольно описал свою жизнь как путешествие из одного мира в другой... Только вера делает прохождение сквозь земной мир... не завоеванием, а именно путешествием к подлинному миру». Автор статьи проводит слова Бердяева: «Я изначально чувствовал себя попавшим в чуждый мне мир. Я всегда был лишь прохожим» («Самопознание: Опыт философской автобиографии», Париж, 1949). Цит. по кн. Литературная энциклопедия русского зарубежья. – Т. 3. Книги. – М., 2002. – С. 92-93.

гражданской войны и отъезд на Запад; Б.К. Зайцев в книге «Далекое» (Вашингтон, 1960) в части, посвященной Италии. Для воспоминаний Б.К. Зайцева характерны эмоциональная приподнятость, лирический тон повествования, личностное видение событий – черты, присущие этому жанру.

В мемуарах можно увидеть сосредоточенность на проблемах духовных, нравственных, культурных, революция рассматривалась как главное бедствие, а гражданская война предъявила особые требования к русским людям. И пусть надежда на осуществление заветного была невелика, в мемуарах сохранилась вера в будущее благоустройство мира, в человеческую и свою душу, и веру в Бога. В июле 1925 в докладе «Россия, эмиграция, православие» С. Булгаков сказал: «Все вещи в мире можно и должно видеть на своем месте, где они предстоят нам в своем истинном значении и соотношениях: только тогда они прекрасны и красивы: безобразные развалины – когда они освещены заходящим солнцем или осеребрены луной – и кажутся прекрасными и являют собой не мираж, не иллюзию, но подлинную истину о заключающейся в них красоте» [9, с. 110]. Положение беженцев было бы иным, если бы не сознание

эмигрантов, что и на чужбине «мы в России», «что есть только один способ спасти ее – в себе и через себя» [9, с. 110].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адамович Г. Одиночество и свобода / Сост. послесл. и примеч. О.А. Коростелева. – СПб., 2002. – 476 с.
2. Барахов В.С. Литературный портрет. – Л.: Наука, 1985. – 311 с.
3. Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. – М., 2005. – 592 с.
4. Гинзбург Л.Н. О психологической прозе. – М., 1999. – 410 с.
5. Гуль Р. Галина Кузнецова. Грасский дневник // НЖ. – 1958. – № 92. – С. 290-291.
6. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1999-2001. Т. 6 (доп.). Мои современники: воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – 1999. – 553 с.
7. Набоков В. Другие берега. – М.-Харьков: Фолио, 1999. – 464 с.
8. Последние Новости // Волконский С. «Там, где была Россия». – 1930. – 15 мая. – № 3350.
9. Русские философы (конец XIX–середина XX века): Антология. – Вып. 1. – М., 1993. – 368 с.
10. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974). – Париж-Нью-Йорк, 1987. – 352 с.
11. Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. – М., 1991. – 318 с.